

The book cover features a collage of forensic and crime-related imagery. At the top left is a silver bullet casing with 'E. P. METAL' visible. The background is a mix of white and yellow, heavily splattered with red blood. A central yellow area contains a cracked bullet casing, a black bullet casing, and a red fingerprint. A yellow highlighter is visible on the right side. In the bottom right corner, there is a circular '16+' age rating logo.

Савостькин Денис

В Центре

16+

Денис Борисович Савостькин В Центре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57389028

SelfPub; 2020

Аннотация

Будущее. Москва. Выжившие после апокалипсиса скрываются от опасностей в самом центре столицы.

Тёмные, практически чёрные, раскосые глаза Бахор смотрели на Запад. Со стороны зависшего в последних минутах уходящего Солнца на фоне практически полностью разрушенной церкви «Двенадцати апостолов» к ней нёсся всадник. Из-под копыт крепкой кобылы разлеталась холодная серая пыль, перемешанная со снегом. В этом году он выпал позднее обычного, хотя раньше, когда Бахор была ещё совсем маленькой девочкой, снегопады тянулись круглый год. Климат менялся, как говорили старшие. Возвращался к более привычному, довоенному виду. К тому состоянию, когда существовали другие времена года, а не только вечная Зима. Дети, родившиеся уже после Взрыва, не знали, что это – тёплое Солнце. Лица их никогда не испытывали прикосновений обжигающего летнего ветра. Глаза их ни разу не радовало чудо пробуждения природы от спячки. Руки их не целовало золото опавшей листвы.

– Киз, нужно идти. Найди брата, чтобы он дал сигнал. Они идут сюда.

– Много? – Девочка смотрела снизу вверх в разгорячённое лицо матери. И, хотя его практически полностью закрывал плотный шарф, она заметила обеспокоенность, а может быть даже настоящий страх, пробежавший в тёмных, как и у неё самой глазах.

– Много. – Онахон попыталась скрыть эмоции за холодным, наигранно спокойным голосом. – Давно столько не было. Давай, поспеши. Нужно уходить вниз. Я соберу старших.

Женщина спешила, поправила на плече винтовку и зашагала в сторону зияющей в центре стены из красного кирпича дыры. Когда-то эта стена окружала Кремль.

Бахор шмыгнула носом и скорым шагом направилась вдоль развалин. По правую руку от неё сверкал отраженными лучами заходящего солнца неровный лёд замёрзшей реки. Посреди русла двое парней перепинывали друг другу коричневый кожаный мяч.

– Эу! В убежище! – крик девочки эхом разнёсся по округе.

Парни сразу всё поняли, накинули на плечи снятые во время игры шкуры, и двинулись к берегу, оставив мячик одиноко лежать на белом полотне.

– Вы Бориса видели?

– Да, он у огня собрание вёл. Охотникам расписание составляли. – Ответил высокий блондин, укладывая в уголок рта самокрутку и выпуская первый клубок дыма.

– Животное уходит. – В тему продолжил второй, на ходу осматривая затвор старенькой винтовки прошлого столетия. Отрыл он её в развалинах военного музея и всегда теперь носил с собой, даже не зная, работает ли оружие. Проверить он не решался, так как вместе с винтовкой нашлось всего три патрона, и каждый был на вес золота. Хотя золото в этом мире обесценилось до обычной железки.

– Уходит, чёрт его дери. Того и гляди, нам тоже придётся сниматься на Восток. А там...

– Что там? – Бахор посмотрела в лицо блондина.

– Да шут его знает. Раньше Дикие там сидели. Кровушки нам попортили: отец рассказывал, что каждый месяц приходили и кого-то уносили с собой. Говорят, съедали...

– Да ну тебя! Байки всё это! – возразил второй.

– Ой ли байки? Тебе откуда знать?

– Своих есть? Людей есть?

– Так на то они и дикие.

Между молодых людей повисло молчание, в котором они и дошли до огня, вокруг которого стояли мужчины и женщины, снаряженные винтовками и ружьями разных моделей и из разных эпох.

– Брат! – Бахор махнула рукой парню, что стоял в центре толпы и раздавал последние указания.

Он не был похож на неё, в нём не было ни капли восточной крови. Но в этом мире братьями и сёстрами становились не только по крови, а зачастую по жестокому случаю, отнимавшему у детей родителей и вынуждающему их искать новую семью. Одиночкам была уготовлена единственная участь – смерть.

– Срочно?

– Они бегут. Мама с разведки вернулась. Много, говорит. Вниз надо уходить, говорит.

– Твою...

Охотники напряглись и обернулись в сторону девочки. Все знали её мать, и все знали, что её нужно слушаться, если хочешь сохранить жизнь. И даже самый прожжённый охот-

ник не отважился бы пререкаться с Онахон.

Борис окинул взглядом собравшихся.

– Так, все всё слышали. Собирайте семьи и идём к котловану.

Все безоговорочно последовали приказу. Лишь один старик сплюнул через усы и пробурчал:

– Опять месяц в подземке. В сырости с крысами и консервами, итить их в дышло.

– Сестра, мне нужно к сигналке. Собери все самое основное. Встретимся у всадника через пятнадцать минут.

– Хорошо, брат.

– Онахон будет знать, где мы её ждём. Мы давно условились про это место.

– Поняла.

– Ну, всё. Мне надо.

Борис хлопнул по плечу сводной сестре и двинулся в сторону щербатой красной стены. Девочка же пошла в другую сторону, где посреди длинного здания из белого камня, что чудом сохранилось практически в целости много лет назад, обосновалась община.

Стены внутри были обвешаны шкурами, кое-где в комнатах виднелись угольки, тлеющие в убогих печках.

Бахор вошла в своё жилище, отыскала в углу сложенный заранее для таких случаев рюкзак, мощный фонарь и вышла обратно на улицу, где уже становилось совсем темно, и лишь несколько уличных столбов освещали невесть откуда сохра-

нившимся электрическим светом пыльно-снежный ковёр.

Со всех сторон к котловану уже стягивалась толпа. Люди, увешанные шкурами, тряпьем, рюкзаками и сумками без суеты и паники, ни раз проходя подобное испытание, выстраивались в линии и шли, негромко переговариваясь друг с другом.

Бахор посмотрела в небо, которое сплошь застилали неестественные облака. Старшие говорили, что раньше, до Взрыва, по ночам на небосводе можно было увидеть Луну и звёзды – небесные светила, что красивее всего, что есть на свете.

Сумерки, тусклый свет и медитативно идущая толпа навивали обманчивое чувство спокойствия и умиротворения. Девочка даже на мгновение замечталась, как будет хорошо, когда облака наконец-то развеются и откроют людям небо, как вдруг хрустальный замок из этих грёз разрушил звук сирен.

Короткий, длиной в секунду рёв, затем пауза в три секунды.

Никто даже не обернулся на этот звук, никто не ускорился, не побежал – настолько он был привычным, органично вплетённым в повседневную жизнь.

Бахор тоже не вздрогнула от шума. Она потихоньку пробиралась по бугрящейся брусчатке к условленному месту, как вдруг сирена изменилась. Вместо привычной мелодии в воздухе протянулся пронзительный непрерывный гул, пери-

одично меняющий тональность.

Люди закрутили головами, недоуменно смотря то друг на друга, то в тёмный горизонт – в ту сторону, откуда должна была прийти опасность.

С изменением сигнала изменилось всё: толпа запульсировала, сжалась, как пружина и выстрелила в сторону убежища; кое-где слышались крики и тонкий детский плач.

Толкаясь о плечи прохожих, Бахор наконец-то выбралась до статуи всадника, вид которого теперь был испорчен: отсутствовала половина головы, и рука, ранее вытянутая вперёд, нынче была оторвана по локоть.

– Бахор! Бахор! Слава Богу, ты тут. – Из арки выбежал запыхавшийся Борис.

– Что случилось? Где мама? Почему сирена другая?

– Они... Столько никогда не было. Их сотни, или даже тысячи. Как саранча накатывают. Надо скорее прятаться.

– А мама где?! – Девочка впервые за вечер не выдержала и сорвалась на крик.

– Она... Она и ещё несколько охотников вызвались прикрыть отступление.

– Прикрыть?

– Да. Они близко. Пыль видна даже в темноте. Идут с Запада, как и всегда.

Из-за спины слышался усиливающийся гул толпы. Крики становились громче. Масса бурлила, накалялась.

– Сука, открывай уже!

– Ты чо, нас угробить решил? Все ж поляжем!

Бахор и Борис двинулись в толпу, врезаясь и расчищая себе путь локтями. На них шикали, но никто не отважился в открытую обругать детей Онахон.

Они шли пару минут в сторону зияющих разбитыми стёклами куполов и разломанного гранита, под которым глубоко и на много километров вокруг тянулись не заваленные туннели, обустроенные под убежище.

В принципе, община давно могла бы перебраться под землю, изредка выбираясь на поверхность за припасами, благо электричество там поддерживали до сих пор скрытые ото всех генераторы. Но что-то глубинное, человеческое, данное самой природой гнало наверх, к тусклому Солнцу.

– Что случилось? Почему не спускаетесь?

Борис подошёл к молодому парню, на котором красовалась старинная серая армейская шинель.

– Замок заклинил. Намертво.

Перед толпой возвышалась массивная бункерная дверь, служившая входом и защитой. Теперь несколько мужчин покрепче тщетно пытались провернуть рычаг, отделяющий людей от спасительных глубин города.

Воздух пронзил первый выстрел с Запада.

Те несколько человек, что сейчас служили последней преградой от врага расположились на западной части стены, на небольшой башенке, сооруженной по большей части из мусора голыми руками.

– Мама... – прошептала Бахор, смотря на брата.

Борис смотрел на неё, затем перекинул взгляд на парня в шинели.

– Есть другой путь?

– Нет... Мы не знаем такого. – губы его дрожали.

Толпа сжалась в тугой, дышащий паникой комок тел. Те, у кого было оружие, положили пальцы на курки.

На Западе засверкали яркие вспышки – это защитники выкидывали свето-шумовые гранаты. Враг всегда нападал только по ночам, и люди догадались, что те боятся света.

Сквозь переговоры толпы, что становились всё более нервными, доносились звуки: взрывы, выстрелы. И ещё один, самый страшный – звук бегущих лап, бьющих в унисон по брусчатке мощными когтями.

Внезапно выстрелы и вспышки прекратились, и на какое-то мгновение стало совсем тихо. Даже люди, преисполненные паникой, прервали свой плач и свои молитвы.

Под светом редких фонарей промелькнули тени. Сначала всего парочка. Быстрые, почти не различимые в сумерках. Но их становилось все больше и больше. А затем целое море – Стая.

Первым из толпы выстрелил парень со старой винтовкой, но пуля ушла куда-то совсем мимо, и теперь он дрожащими пальцами пытался загнать патрон в отверстие.

Борис неосознанно подался вперёд, загораживая своей широкой грудью сводную сестру.

Стая качнулась. Первый ряд её начинал разбег.

Существа, чем-то напоминающие крупных горилл, но с более человеческими лицами отталкивались всеми четырьмя лапами от земли и лавиной неслись вперёд.

Они понимали, что первым суждено погибнуть, но их было много. В несколько раз больше людей.

Рывок. Ещё рывок.

Захлопали со всех сторон спусковые механизмы. Массивные, волосатые туши падали в снежную пыль, по инерции скользя ещё несколько метров. Через погибших перепрыгивали новые, ещё более свирепые из-за смерти сородичей чудовища. Монстры, порождённые атомной катастрофой.

– Беги. – Борис развернул сестру на Восток.

– Куда!?

– Неважно. Просто беги. Куда глаза глядят. Спрячься, за-таись. Ты маленькая и ловкая. Ты справишься.

– А как же...

– Беги! – Парень рявкнул, и Бахор ринулась сквозь толпу.

Видя это, некоторые люди тоже срывались и устремлялись в бегство.

Слёзы лились из глаз девочки, но она не оборачивалась, а лишь старалась унести как можно дальше. Ноги её цеплялись за развороченные камни и лёд, но она не падала. Не могла себе позволить.

А там, за её спиной Стая столкнулась с людьми. Животная сила рвала и грызла то, что осталось от человечества.

Итоги битвы били предрешены.

Маленькая девочка, потерявшая за несколько минут всех родных людей, пробиралась на Восток.